

Ольга Баринова

Интриги, скандалы
и пышка-попаданка

Ольга Баринова

**Интриги, скандалы
и пышка-попаданка**

«Литнет»

2026

Баринава О.

Интриги, скандалы и пышка-попаданка / О. Баринава —
«Литнет», 2026

Если муж выгнал из дома, подставил с кражей и собирается жениться на другой — не плачь. Пиши разоблачение. Агата Одинцова, редактор с огненным характером, погибает при пожаре и просыпается в теле жены пекаря, которую только что ограбили, оболгали и отправили в тюрьму. Теперь у неё нет ничего: ни документов, ни денег, ни свидетелей. ✂ Остались только журналистский нюх, острый язык и привычка доводить дела до конца. За пять дней она перевернёт весь город с ног на уши, раскроет сеть магических похищений, вернёт украденную жизнь и заставит платить каждого, кто встал у неё на пути.

© Баринава О., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	15
ГЛАВА 4	21
ГЛАВА 5	26
ГЛАВА 6	31
ГЛАВА 7	36
ГЛАВА 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

ГЛАВА 1

- И чтобы ноги твоей больше не было в моём доме!

Мужчина с трясущейся бороденкой захлопнул дверь прямо перед носом Агаты.

Она успела увидеть за его плечом тонкую блондинку в розовом пеньюаре. Та держала чашку с нарисованной на боку золотой булочкой и старательно изображала смущение.

Получалось плохо.

Особенно потому, что чашка принадлежала Агате.

Дверь грохнула. С крыши осыпалась снежная крошка, а на верхней ступеньке жалобно звякнул брошенный вслед чемодан.

Агата несколько раз моргнула.

Потом посмотрела на руки.

Пальцы были мягкими, округлыми, с аккуратными розовыми ногтями. На правом запястье темнел синяк. Из-под рукава коричневого платья выглядывала кружевная манжета.

Это были не её руки.

Собственно, всё остальное тоже принадлежало не ей.

- Какого... со мной происходит?

Голову пронзила дикая боль, и она, приложив руку к виску, ощутила на пальцах кровь. Знатно ее муженек приложил... Точнее, не ее, а предыдущую хозяйку этого тела...

Агата сделала глубокий вздох.

- Тааак, - сказала она сама себе. – Я или сошла с ума, или попала в чужое тело, или у меня интоксикация от дыма с галлюцинациями...

Она пощупала рану на голове.

- Третий вариант мне кажется наиболее приятным...

Из окна второго этажа высунулась блондинка.

- Оскар, она всё ещё здесь!

- Сейчас уйдёт! - донеслось из дома.

Агата Одинцова, ещё вчера работавшая главным редактором новостного портала «Город говорит», медленно поднялась со ступеньки.

В ее памяти боролись две жизни.

В одной она до трёх часов ночи правила материал о владельце сети столовых, который кормил школьников просроченными котлетами. Выпила третью кружку кофе, положила голову на клавиатуру - и... Сработало оповещение пожарной тревоги... Она бросилась к выходу... Дальше дым, мрак, и больше она ничего не помнила...

В другой она была Агатой Бранн, двадцатипятилетней дочерью покойного торговца тканями. Доброй, терпеливой и, по мнению мужа, недостаточно изящной. Агата пять лет вела счета в его пекарни, вставала затемно, месила тесто, договаривалась с поставщиками и вложила в дело мужа всё своё приданое. Но ни дня она не была с ним счастлива.

Сегодня Оскар швырнул ей в лицо документы о разводе и сообщил, что устал от её унылого лица, приземлённости и привычки слишком сильно скрипеть перьями, сидя за накладными. После чего представил Селину - свою «истинную любовь».

Особенно Агате понравилось уточнение, что дом, пекарня и деньги остаются Оскару. Очень удобно, когда судья, выносивший такое решение – твой собственный кузен.

Агата ощутила, как внутри чужого тела поднимается знакомое чувство. То самое, которое появлялось всякий раз, когда очередной самоуверенный мерзавец говорил:

«Пишите что хотите. Вам всё равно никто не поверит».

Дверь снова приоткрылась. Оскар высунул руку и бросил на ступени кошель.

- Вот тебе. Я не чудовище.

Кошель ударился о перила и упал в снег.

Агата наклонилась, подняла его и пересчитала монеты.

- Здесь всего семь медяков.

- Именно.

- Одна булка у тебя в пекарне стоит четыре.

- Не моя забота, что ты слишком много ешь.

За дверью хихикнула Селина.

Агата подняла голову. На вывеске над входом золотыми буквами было выведено:

«Пекарня Оскара Бранна. Семейные рецепты с 812 года».

Семейные рецепты принадлежали матери Агаты.

Дом был куплен на деньги её отца.

Форму для вывески рисовала она сама.

- Оскар, - ласково позвала Агата.

Пекарь самодовольно прищурился.

- Что?

- Ты ведь помнишь, что дрожжи для медовых плюшек нужно класть после шафранной закваски?

Улыбка сползла с его лица.

- Разумеется.

- А сколько?

- Я знаю рецепт!

- Конечно. Ты же пять лет наблюдал, как работаю я.

Она улыбнулась, подняла чемодан и сошла со ступенек.

- Не смей мне дерзить! - крикнул Оскар ей вслед. – Ты еще будешь просить прощения!

Агата остановилась.

- Нет, Оскар. Просить прощения будешь ты перед своими покупателями.

Она ещё не знала, где будет ночевать и чем расплатится за ужин. Зато прекрасно знала первое правило журналистики.

Если тебя выбросили за дверь - выясни, кто ещё пострадал от хозяина дома.

Через полчаса Агата сидела в трактире «Сонный грифон» перед кружкой кипятка. На еду денег тратить она не стала. Семь медяков были не капиталом, а оскорблением.

- Оскар Бранн? - переспросила подавальщица. - Тот самый, у которого пекарня на Рыночной улице?

Агата подняла глаза.

- Он самый.

- Булочки у него отменные, - признала девушка. - Особенно медовые. Говорят, это старинный семейный рецепт.

- Моей семьи, - уточнила Агата. - Как и деньги, на которые открыли пекарню.

Подавальщица замерла с кувшином в руке, рассматривая Агату, кутавшуюся в бесформенный серый плащ.

- Так вы его жена? Рыжая такая, полная...

Девушка осеклась и виновато отвела взгляд.

- Простите.

- Ничего. Я и есть его жена. Уже бывшая.

- Тогда примите мои соболезнования.

- Из-за мужа?

- Из-за пекарни. Столько в неё вложить - и всё ему оставить...

- Я ничего ему не оставляла. Он сам забрал.

За следующие десять минут Агата выяснила, что Оскара не раз видели в городе с Селиной. Ещё через пять - что он представлял её знакомым как свою будущую жену. Судя по всему, избавиться от прежней супруги пекарь задумал не сегодня.

Вскоре перед Агатой лежал исписанный с обеих сторон трактирный счёт.

Заголовок гласил:

**«ТРИ ПРИЧИНЫ ДОБРОПОРЯДОЧНЫМ ГРАЖДАНАМ ОБХОДИТЬ ПЕКАРНЮ
ОСКАРА БРАННА СТОРОНОЙ»**

Первая причина заключалась в том, что женатый Оскар Бранн открыто появлялся в обществе с любовницей.

Вторая - в том, что он привёл эту женщину в супружеский дом ещё до того, как закончился его брак.

Третью Агата оставила напоследок:

«Сегодня Оскар Бранн выставил законную жену на улицу, чтобы освободить место для блудницы. Пусть каждая почтенная горожанка сама решит, достоин ли хлеб из таких рук оказаться на семейном столе».

подавальщица прочитала написанное и возмущённо поджала губы.

- Он привёл эту девку в ваш дом?

- В моём халате и с моей чашкой она выглядела вполне по-хозяйски.

- Тогда «обходить стороной» - слишком мягко сказано.

- Не беспокойтесь, - ответила Агата. - Остальное горожанки додумают сами.

подавальщица согласно закивала головой:

- Вот бы это увидел весь город.

Агата посмотрела за окно.

На другой стороне улицы, между лавкой гробовщика и магазином волшебных принадлежностей, висела покосившаяся вывеска:

«Типография мастера Гутера. Печать объявлений, приглашений и предсмертных посланий. Быстро. Качественно. Недорого».

Она поднялась.

- Город это увидит, даже не сомневайся.

ГЛАВА 2

В типографии пахло краской, пылью и финансовым отчаянием.

Последнее Агата распознала безошибочно.

Финансовое отчаяние всегда выглядело одинаково: неоплаченные счета под прессом, остывшая печь, залатанные локти владельца и табличка «Работаем без выходных», в которой слово «работаем» было исправлено от руки.

За стойкой сидел тощий старик с зелёным козырьком на лбу. Перед ним сам собой подпрыгивал наборный шрифт. Маленькие свинцовые буквы толкались, ругались тоненькими голосами и не желали вставать в строки.

- «Предсмертное», а не «предсрамное»! - сердито произнёс старик. - Кому нужна записка о последнем позоре?

Буква «е» обиженно звякнула и спряталась под стол.

Агата постучала по стойке.

- Мастер Гутер?

- Если вы из похоронного дома, заказ будет к вечеру. Если из налоговой - меня нет. Если хотите напечатать стихи, то типография закрыта навсегда.

- Мне нужны объявления.

Старик немедленно оживился:

- Полсеребряника за десять экземпляров. Бумага простая. За хорошую бумагу доплата. За срочность доплата. За рамку доплата. За грамотность автора двойная доплата.

- Почему за грамотность дороже?

- Безграмотные не замечают ошибок.

Он протянул руку за текстом. Прочитал заголовок, дошёл до имени Оскара Бранна и поднял на Агату настороженный взгляд.

- Это тот Оскар Бранн?

- В городе есть другой?

- Надеюсь, что нет. Одного вполне достаточно.

- Тогда напечатаете?

Мастер Гутер дочитал объявление, хмыкнул и перевернул листок.

- А подпись?

- Агата Бранн.

Старик посмотрел на неё уже с откровенным сочувствием.

Агата успела возненавидеть это выражение. Именно так смотрят на человека, который наступил в лужу, порвал юбку и ещё не знает, что сзади к нему прилип капустный лист.

- Вы его жена, - заключил Гутер.

- Бывшая.

- Уже?

- По утверждению моего мужа и его кузена-судьи.

- Скверное сочетание.

- А я сначала думала, что скверное сочетание - это изюм и чеснок.

Гутер вернул ей листок.

- Не возьмусь.

- Почему?

- Потому что ваша семейная жизнь стоит полсеребряника за десять экземпляров. А семейная жизнь господина Бранна будет стоять мне типографии.

Агата посмотрела на него с искренним интересом.

- Вы всегда так драматично оцениваете перспективы? Или только когда перед вами сидит женщина без денег, без мужа и, как выясняется, без союзников?

Агата выложила на стойку семь медяков.

Монеты выглядели одиноко.

Особенно та, которую кто-то когда-то пытался прокусить.

- На сколько хватит?

- На два объявления.

- Мне нужно сто.

- Тогда вам не хватает всего трёх серебряников, четырёх медяков и богатого родственника.

- Богатых родственников у меня нет.

- С такой статьёй они обычно быстро заканчиваются.

Мастер Гутер сгрёб монеты и вернул их Агате.

- Советую купить горячую похлёбку. Судя по вашему лицу, она принесёт больше пользы, чем правосудие.

В этот момент из глубины типографии раздался треск.

Наборные буквы дружно завопили.

Гутер вскочил и бросился к печатному станку. Из-под прижимной плиты выполз длинный лист, покрытый жирными чёрными строками.

- Опять! - простонал старик. - Чтоб эту зачарованную рухлядь разобрали на дверные петли!

Агата подошла ближе.

На листе было напечатано:

«Лавка господина Мортена предлагает лучший крысиный чай, сушёный навоз и пряничные огрызки».

- Интересная торговая стратегия, - заметила она.

- Там должно быть «красный чай, сушёный инжир и пряничные коврижки»! Завтра заказ забирать, а этот проклятый станок меняет буквы!

Агата взяла испорченный лист.

- Станок ни при чём.

- Вы специалист по печатной магии?

- Нет. Я специалист по людям, которые обвиняют технику в собственных ошибках.

Она наклонилась к наборной раме. Литеры стояли тесно, некоторые были перевёрнуты. Несколько строк набирались повторно, и заклинание станка выбирало самые близкие по форме буквы.

- У вас повреждена направляющая. Поэтому прижим сдвигает верхний ряд. А ещё наборщик поставил «н» вместо «р» вот здесь и дважды перепутал кассы.

- У меня нет наборщика.

- Тогда у меня для вас плохие новости.

Гутер сердито засопел.

Агата сняла перчатки.

- Сколько экземпляров заказал господин Мортен?

- Пятьсот.

- И сколько вы уже испортили?

- Сто восемьдесят семь.

- Бумага заказчика?

- Моя, - мрачно ответил Гутер.

- Тогда к вечеру вы лишитесь не только оплаты, но и клиента.

- Благодарю. Без вас я бы не догадался.

- Я исправлю набор и проверю весь заказ.
- А вы умеете?

Агата посмотрела на него так, как прежде смотрела на стажёра, поставившего в заголовке три восклицательных знака.

- Я двадцать лет исправляла чужие ошибки. Иногда даже до публикации.
 - Какие двадцать? Вам самой едва ли больше двадцати пяти.
 - Тяжёлое замужество быстро старит душу. - быстро поправилась Агата.
- Гутер ещё немного посомневался, затем подвинул ей кассу с литерами.
- Если испортите больше десяти листов, будете должны серебряник.
 - А если спасу заказ, вы напечатаете сто моих объявлений.
 - Двадцать.
 - Восемьдесят.
 - Тридцать.
 - Семьдесят и чашка чая.
 - Сорок и кипяток.
 - Пятьдесят, кипяток и место у печи на один час.

Старик протянул руку.

- Договорились.
- Письменно.
- Вы мне не доверяете?
- Я уже доверилась одному мужчине. Хватит до конца жизни.

Гутер нашёл обрывок бумаги и нехотя записал условия.

Агата проверила каждое слово, поставила подпись и только после этого взялась за работу.

Пальцы прежней Агаты знали типографское дело не лучше, чем нынешняя Агата знала, как правильно месить шафранную закваску. А ещё они отлично умели считать, сортировать и не жаловаться на холод.

Через полчаса набор был исправлен.

Ещё через час станок выплюнул первую сотню безупречных листов.

Мастер Гутер проверил слово «инжир», подозрительно понюхал краску и поставил перед Агатой шербатую чашку с кипятком.

- Чай кончился.
- А сахар?
- Даже не начинался.

Агата обхватила чашку ладонями. Пальцы наконец перестали дрожать.

Гутер принялся набирать её объявление. Свинцовые буквы охотно выстроились в слова «блудница» и «семейный стол». Похоже, сплетни нравились им значительно больше красного чая.

Дверной колокольчик звякнул.

В типографию вплыл запах фиалковых духов.

Следом появилась Селина.

Теперь на ней была не ночная сорочка, а бледно-голубое пальто с белым меховым воротником. Агата сразу узнала этот воротник. Его ей подарил отец на последнее зимнее торжество.

Селина погладила мех и улыбнулась.

- Агата? Вот уж не ожидала тебя здесь увидеть.
- А я не ожидала увидеть на тебе своё пальто. День полон открытий.
- Оскар сказал, что тебе оно всё равно мало.

Мастер Гутер немедленно занялся станком, всем видом показывая, что не слышит ни слова, но запомнит каждое.

Селина положила на стойку кремовую карточку.

- Мне нужны приглашения. Сто пятьдесят штук. Золотое тиснение, розовые ленты и маленькие булочки по краям.
- Разумеется, госпожа, - пробормотал Гутер.
- «На торжественное бракосочетание Оскара Бранна и Селины Вирт», - прочитала Агата.
- Через двенадцать дней. Какая прелесть.
- Мы не хотим долго ждать.
- Боишься, что он успеет привести домой третью?
- Селина побледнела, но быстро взяла себя в руки.
- Тебе лучше уехать из города.
- На семь медяков?
- Оскар готов проявить щедрость.
- Она достала кошель и положила его на край стойки.
- Звякнуло серебро.
- Здесь пять серебряников. Этого хватит, чтобы добраться до Лисвера и снять комнату на первое время.
- А взамен?
- Ты перестанешь рассказывать грязные выдумки и подпишешь признание, что не имеешь отношения к пекарне.
- Но я имею.
- Уже нет.
- Тогда зачем вам моя подпись?
- Селина чуть заметно дёрнулась.
- Агата усмехнулась.
- Пять серебряников за подпись женщины, у которой якобы нет никаких прав? Подозрительно дорого.
- Это плата за твой покой.
- Покой обычно предлагают покойникам. Мне пока рано.
- Селина придвинулась ближе.
- Послушай, толстуха. Оскар никогда тебя не любил. Он даже стеснялся появляться с тобой на людях. Ты была удобной прислугой, не больше. Даже твои платья он велел перешить для кухарки.
- Это было рассчитано не на нынешнюю Агату.
- Но тело помнило.
- Сердце болезненно сжалось, и перед глазами на мгновение потемнело. Чужое унижение казалось настоящим, введшимся под кожу.
- Агата медленно поставила чашку.
- Знаешь, что отличает прислугу от хозяйки?
- Селина самодовольно улыбнулась:
- Размер платья?
- Прислуга уходит с расчётом. А хозяйка возвращается с документами.
- Селина смахнула кошель со стойки.
- Скоро тебе будет не до шуток.
- Она забрала образец приглашения, развернулась и вышла.
- Мастер Гутер проводил её взглядом.
- Неприятная женщина.
- Зато мех у неё хороший.
- Вы действительно вернётесь с документами?
- Если найду, где их взять.

Первые объявления вышли из станка через четверть часа. Бумага была серая, тонкая, но буквы лежали чётко.

Гутер пересчитал листы.

- Пятьдесят. Как договаривались.

- Мы договаривались о месте у печи.

- Час закончился.

Агата взяла объявления и вышла на улицу.

Первые десять она расклеила на Рыночной площади. Ещё пять оставила у колодца. Три отдала торговкам рыбой, которые прочитали текст вслух, немедленно добавив несколько подробностей от себя.

Возле булочной Оскара уже собрались люди.

Кто-то срывал объявления со стен, но рядом появлялись новые. Женщины перешёптывались. Две постоянные покупательницы развернулись и отошли от двери.

Агата впервые за день почувствовала удовлетворение.

Но оно длилось недолго.

Из пекарни вышел городской пристав в сером мундире. За ним показались Оскар и Селина.

Оскар держал другое объявление.

Крупный заголовок сообщал:

«ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ МОШЕННИЦЫ АГАТЫ БРАНН».

Ниже Агату обвиняли в краже денег из семейной кассы, порче имущества, клевете и «необузданной ревности, вызванной женской несостоятельностью».

Особенно ей понравилась женская несостоятельность.

- Вот она! - Селина указала на Агату пальцем. - Она преследует нас!

Люди расступились.

Пристав подошёл к Агате и вырвал объявления из её рук.

- Распространение порочащих сведений запрещено распоряжением судьи Вирта.

- Когда было вынесено распоряжение?

- Сегодня.

- Номер дела?

- Вам-то что?

- А то! Номер должен быть указан на копии постановления.

Пристав нахмурился, а Оскар шагнул вперёд.

- Убирайся, пока тебя не посадили за воровство.

- Что именно я украла?

- Деньги из кассы.

- Сколько?

- Двадцать золотых.

По толпе прокатился гул.

Агата рассмеялась.

- Двадцать золотых? Посмотри на меня! Кто тебе поверит?!

- Ты всё потратила!

- Когда?

- Не помню.

- На что?

- На еду! - выпалила Селина.

Рыбная торговка прыснула, Агата покраснела, а пристав скомкал объявления.

- До разбирательства вам запрещено приближаться к пекарне, дому господина Бранна и госпоже Вирт.

- Дайте копию запрета.
- Получите в суде.
- Значит, он еще не вступил в силу?
- Пристав приблизил лицо к её лицу.
- Хотите проверить?

Агата посмотрела на толпу. Недавнее любопытство сменилось осторожностью. Никто не хотел спорить с человеком в мундире.

Она отступила. Селина торжествующе улыбнулась и демонстративно бросила одно из объявлений в грязь.

- Вот где место твоим сочинениям.

Агата ушла под шёпот горожан.

В «Сонном грифоне» её встретила уже не подавальщица, а хозяйка.

- Вам нельзя здесь оставаться.

- Что случилось?

- Ваш супруг сказал, что вы задолжали ему двадцать золотых. Если приставы решат, что мы вас укрываем...

- Мне нужна только кружка кипятка.

- Уходите.

Дверь закрылась перед ней второй раз за день. Это уже начинало становиться привычкой.

Снег усилился. Голова снова заныла, синяк на запястье потемнел, а в животе урчало так громко, что прохожие оборачивались.

Агата села на скамью напротив здания городского суда и пересчитала деньги.

Семь медяков.

Пятьдесят объявлений превратились в мокрые комки. Репутацию ей уничтожили быстрее, чем она успела её построить.

Жилья не было. Еды не было. Свидетели предпочитали молчать. Судья приходился Оскару кузеном, пристав - приятелем, а город уже обсуждал двадцать украденных золотых.

Агата посмотрела на бумаги о разводе.

Потом перечитала их ещё раз.

На третьем листе стоял номер дела: 438/16.

Ниже - дата решения.

Сегодняшняя.

Но Оскар вручил ей бумаги утром, до открытия суда.

- Вот вы где ошиблись, мальчики, - тихо произнесла Агата.

Она поднялась и вошла в здание.

В канцелярии собирались закрываться. Круглый чиновник уже надевал пальто.

- Приём окончен.

- Мне нужно ознакомиться с делом 438/16.

- Завтра.

- Тогда выдайте письменный отказ.

- Что?

- С датой, временем и вашей подписью.

Чиновник застыл.

- Зачем?

- Чтобы приложить к жалобе на препятствование доступу к материалам собственного бракоразводного дела.

Слово «жалоба» подействовало лучше заклинания.

Чиновник снял пальто, подошёл к шкафу и вытащил регистрационную книгу.

- Название дела?

- Бранн против Бранн.

Палец чиновника двинулся по строчкам.

Остановился.

Вернулся назад.

- Не может быть.

- Что именно?

Он повернул книгу к Агате.

Напротив номера 438/16 было написано:

«Хольц против Управы. Спор о размещении навозной ямы».

Агата положила рядом своё решение о разводе.

Чиновник сравнил номера. Затем поднёс лист к свету.

Лицо его изменилось.

- Печать поддельная, - прошептал он.

- Мне нужна заверенная выписка из книги.

- Я не могу.

- Тогда письменный отказ.

- Вы не понимаете. Если господин судья узнает...

Дверь канцелярии распахнулась.

На пороге стояли двое приставов. Между ними улыбалась Селина.

В руках она держала новое постановление.

- Агата Бранн, - громко прочитал старший пристав, - вы задержаны по обвинению в хищении двадцати золотых.

Селина склонила голову набок.

- Я же предупреждала, что тебе будет не до шуток.

ГЛАВА 3

Агата посмотрела на постановление. Потом на Селину. Потом снова на постановление.

- Дайте прочитать.

Старший пристав сложил лист вдвое.

- В участке прочитаете.

- Тогда я никуда не пойду.

- Сопротивление при задержании будет внесено в протокол.

- Прекрасно. Значит, протокол всё-таки предполагается.

Улыбка Селины дрогнула.

Агата повернулась к чиновнику:

- Ваше имя?

Тот попятился к шкафу.

- Я здесь ни при чём.

- Имя.

- Помощник регистратора Клеменс Рой.

- Господин Рой, вы видели поддельное судебное решение. Вы сверили его с регистрационной книгой и установили, что номер принадлежит другому делу.

- Я ничего не устанавливал!

Клеменс захлопнул книгу так поспешно, что прищемил палец. Вскрикнул, сунул руку под мышку и с ужасом посмотрел на приставов.

- Она ворвалась после окончания приёма! - затараторил он. - Угрожала жалобами, требовала выдать документы...

Агата обернулась к Клеменсу.

- «Ворвалась» - это громко сказано. Я вошла. Спокойно. И практически без оружия, если не считать моего красноречия.

- И вы показали ей регистрационную книгу? - холодно спросила Селина.

Клеменс побледнел.

- Только на мгновение.

- Книгу следует изъять, - сказал старший пристав.

Агата шагнула к столу, но младший перехватил её за локоть. Пальцы легли точно на синяк.

Перед глазами вспыхнули белые искры.

- Осторожнее, - процедила она.

- А то что?

- Оставьте след, который придётся описать при освидетельствовании.

Пристав ослабил хватку.

Совсем немного, но Агате хватило.

- Господин Рой, на какой странице находится запись о деле 438/16?

- Я не обязан отвечать.

- Страница сто восемьдесят третья, - сказала она сама. - Нижняя половина листа. Дело Хольца против Управы. Чернила коричневые, запись сделана три месяца назад. Здесь трое свидетелей, что книга находилась в канцелярии до её изъятия.

Младший пристав фыркнул:

- Какие ещё свидетели?

- Вы двое и госпожа Вирт.

Селина рассмеялась:

- Кто поверит воровке?

- Я пока только обвиняемая. А ты пока ещё не жена Оскара, хотя уже носишь моё пальто. В этом городе вообще многое называют не своими именами.

Старший пристав велел надеть на Агату наручники. Тонкая железная цепь оказалась зачарованной. Стоило замку защёлкнуться, как звенья сами затянулись на запястьях, впившись в кожу.

Клеменс отвернулся.

- Мой чемодан, - напомнила Агата.

- Доставят в участок.

- Нет. Опись имущества составляется при мне.

- Здесь вы не распоряжаетесь.

- Тогда впишите, что задержанная имела при себе чемодан и семь медяков, а пристав отказался составить опись.

Старший медленно выдохнул через нос.

- Ты всегда была такой назойливой?

Вопрос предназначался Агате прежней.

Та опустила бы глаза. Сжалась. Попросила прощения за то, что доставила неудобства людям, пришедшим забрать у неё последнее.

Нынешняя Агата улыбнулась:

- Нет. Раньше я ещё давала людям время исправиться.

Составлять опись пришлось Клеменсу. В чемодане лежали две смены белья, старое шерстяное платье, гребень с тремя сломанными зубцами, моток ниток, напёрсток и семейная поваренная тетрадь.

При виде тетради Селина шагнула ближе.

- Это принадлежит Оскару.

- Здесь рецепты моей матери.

- Семейные рецепты Браннов.

- Мою мать звали Элла Фосс.

- После свадьбы всё твоё стало собственностью мужа.

- Тогда зачем ему поддельное постановление о разводе?

Селина прикусила губу. Агата заметила это. Пристав тоже заметил, но предпочёл заинтересоваться потолком.

Клеменс перечислил вещи на обороте старого циркуляра. Когда дошёл до денег, старший пристав вытряхнул кошелек Агаты прямо на стол.

Семь медяков раскатились по дереву.

Та самая надкушенная монета упала на пол.

Селина поставила на неё каблук.

- Упустили одну.

- Подними, - сказала Агата.

- Что?

- Ты стоишь на моих деньгах.

- Всего лишь медяк.

- Тогда тебе будет нетрудно его поднять.

Приставы молчали. Клеменс смотрел в бумаги. Селина несколько секунд сверлила Агату взглядом, затем отступила.

Агата сама опустилась на колени.

Цепь не позволяла свободно двигать руками. Пришлось неловко наклониться, ловя монету скованными пальцами.

В коридоре появились служащие. Кто-то хихикнул.

Селина смотрела сверху вниз с таким удовольствием, будто именно ради этой минуты и пришла.

Агата подняла медяк.

Поднялась следом.

- Запомни это ощущение, - тихо посоветовала она. - Очень скоро тебе тоже придётся подбирать то, что ты считала незначительным.

Из суда её вывели через главный вход.

Разумеется.

Черный вход находился ближе, но возле главного уже собрались зеваки. Новость о задержании разлетелась по городу быстрее, чем её объявления.

- Воровка!

Крик донёсся со стороны пекарни.

Агата не увидела, кто именно кричал. Зато увидела рыбную торговку, читавшую её листок на площади. Теперь женщина старательно отворачивалась.

Снег набился в ботинки. Чемодан нёс младший пристав, нарочно ударяя им о каждую тумбу. Одна защёлка раскрылась. На мостовую выпал свёрток белья.

Толпа засмеялась.

- Поднимите, - потребовала Агата.

- В участке соберёшь.

Она остановилась.

Цепь натянулась, обжигая запястья.

- В описи указаны две смены белья. Если в участок доставят одну, за недостачу будете отвечать вы.

Пристав выругался, но вернулся за свёртком.

Смех стих.

Это была маленькая победа. Настолько маленькая, что её можно было спрятать за надкушенным медяком

В участке Агату продержали в приёмной почти два часа. Ей не позволили сесть и не дали воды. Затем дежурный писарь сообщил, что обвинение касается двадцати золотых, исчезнувших из кассы пекарни три месяца назад.

- Кто заявил о пропаже?

- Ваш супруг.

- Когда?

- Сегодня.

- Почему он ждал три месяца?

Перо писаря замерло.

- Надеялся решить семейный вопрос мирно.

- Выставив меня на мороз и подделав документы?

- О подделке здесь ничего нет.

- Пока.

Писарь подвинул ей протокол.

- Подпишите.

Агата прочитала первую строку.

Потом вторую.

На третьей обнаружилось признание в том, что она «из ревности и корыстных побуждений тайно присваивала выручку».

- Это не протокол допроса. Это чистосердечное признание.

- Формальность.

- Тогда подпишите сами.

- Отказ ухудшит ваше положение.

- Куда уж хуже? У меня семь медяков, мокрые ноги и украденный халат.

Писарь гневно вырвал лист и позвал надзирательницу.

Камера оказалась подвальной комнатой с каменными стенами. Вместо печи в ней имелось воспоминание о тепле, вместо постели - лавка, а вместо удобств - ведро в углу.

На лавке сидела широкоплечая женщина лет сорока. Её платок был завязан так туго, словно удерживал внутри последние остатки терпения.

- За что тебя? - спросила она.

- Якобы украла двадцать золотых.

Женщина окинула взглядом её серый плащ, разбитые туфли и пустые руки.

- Мало украла.

- Я только учусь.

- А меня за торговлю без разрешения. Пироги продавала.

- Какие еще пироги?

- С капустой.

- Чудовищное преступление.

Женщина подвинулась, освобождая место.

Звали её Мартой Ключ. Она держала крошечную прачечную возле красильного квартала, но зимой заказов не хватало, поэтому по утрам она продавала рабочим пироги.

Сегодня городская стража внезапно обнаружила, что её разрешение просрочено на два дня.

- Обычно предупреждали, - сказала Марта. - А тут сразу в участок. Будто им камеры заполнить понадобилось.

Агата прислонилась к стене.

В участке было непривычно тихо. Ни пьяных, ни попрошайек, ни уличных торговцев. Только они вдвоём.

- Когда вас задержали?

- Часов в пять.

Как раз после её визита в канцелярию.

Агата посмотрела на дверь.

- Марта, у вас хорошая память?

- Смотря на что.

- Лица, слова, время?

- Я прачка. Если не запомнишь, какая госпожа велела крахмалить мужу воротник, а какая - не велела, до вечера останешься без двух клиентов.

- Значит, сейчас вы запомните всё, что услышите и увидите.

- Зачем?

- Потому что свидетелей мне уже начали подбирать бесплатно.

Ночью Агата долго не могла уснуть: голова болела всё сильнее. В камере было так холодно, что изо рта вырывался пар. Марта отдала ей половину шерстяного платка, а потом достала из-за пазухи расплющенный пирог.

- В участке не нашли, - с гордостью сообщила она.

Они разделили его пополам.

Капуста была подгоревшей, тесто - жёстким, но Агата никогда не ела ничего вкуснее.

- Вернёшься домой? - спросила Марта.

- У меня его больше нет.

- Родня?

- Нет.

- Друзья?

Агата вспомнила хозяйку «Сонного грифона», закрывшую перед ней дверь.

- Видимо, тоже закончились.

Марта вздохнула и укрыла ей колени краем своей шерстяной юбки. Это не спасало от холода. Но немного спасло от одиночества.

Утром за Агатой пришли. На этот раз её отвели не в комнату для допросов, а в кабинет судьи Вирта.

Кузен Оскара оказался довольно гадким мужчиной с влажными губами и крошечными глазами. На его столе дымилась чашка кофе. Рядом лежала тарелка с медовыми плюшками.

Агата почувствовала, как болезненно сжался пустой желудок.

- Госпожа Бранн, - произнёс судья, откусывая плюшку. - Вы доставили семье немало неприятностей.

- Чьей семье? Моей или вашей?

- Ваше положение серьёзно. Но господин Бранн готов отозвать заявление.

- В обмен на подпись под отказом от пекарни.

Судья промокнул губы салфеткой.

- В обмен на признание очевидного. Деловыми вопросами занимался ваш муж. Вы лишь помогали по дому.

Пальцы прежней Агаты помнили ожоги от печи. Помнили чернила, вьёвшиеся в кожу. Помнили тяжёлые мешки с мукой и ночи над счётами.

- Тогда Оскар без труда покажет книги, которые вёл лично.

- Книги подтверждают недостачу.

- Хочу их увидеть.

- Не положено.

- Хочу видеть заявление, поданное Оскаром.

- Не положено.

- Хочу вызвать защитника.

- У вас нет денег.

- Тогда назначенного городом поверенного.

Судья улыбнулся:

- На супружеские имущественные споры бесплатный поверенный не предоставляется.

- Но меня обвиняют в краже.

- Совершённой внутри семьи.

- Вы уж определитесь, ваша честь. Если это семейный спор, держать меня в камере нельзя. Если уголовное дело - мне положен защитник.

Судья перестал улыбаться.

- Ваш покойный отец был разумным человеком. Жаль, что вы не унаследовали его благоразумия.

- Зато я унаследовала его деньги. И очень хочу узнать, куда они делись.

Дверь открылась. В кабинет вошли Оскар, Селина и старший пристав. Оскар нёс чемодан Агаты.

За ними семенила Марта.

- Задержанная потребовала свидетеля при осмотре вещей, - недовольно объяснил пристав. - Больше никого в камерах нет.

Агата выпрямилась.

- Вчера чемодан уже осматривали.

- Повторный досмотр, - сказал судья.

Клеменса среди присутствующих не было.

На стол положили опись. Агата узнала его торопливый почерк и размазанное пятно там, где он прищемил палец.

Пристав раскрыл чемодан.
Платье.
Гребень.
Нитки.
Поваренная тетрадь.
Затем его рука нащупала что-то под подкладкой.
Раздался треск ткани.
На стол упал тяжёлый кожаный мешок.
В кабинете стало тихо.
Оскар изобразил потрясение.
Селина прикрыла рот ладонью.
Пристав развязал шнурок и высыпал содержимое.
По судейскому столу покатались золотые монеты.
- Двадцать, - пересчитал судья Вирт. - Ровно двадцать.
- Их там не было, - сказала Марта.
Судья даже не посмотрел на неё.
- Обнаружение похищенного полностью подтверждает вину. До суда госпожа Бранн будет переведена в исправительный дом.
Агата смотрела не на монеты.
Под разорванной подкладкой что-то белело. Край сложенной бумаги, которую не заметил пристав.
Она перевела взгляд на опись, потом на чемодан.
- Прошу внести в протокол, что при первом досмотре тайника не обнаружили.
- Можете просить об этом надзирателя исправительного дома, - ответил судья.
Пристав захлопнул чемодан.
Полоска бумаги исчезла внутри.
Агата успела разглядеть всего два слова, написанных знакомым почерком покойного отца:
«Если Оскар...»
Судья приказал увести её.
А у двери Агата услышала, как Селина тихо спросила:
- Что будем делать с прачкой?
Марта побледнела.
Судья Вирт посмотрел на единственного свидетеля и неторопливо ответил:
- То же, что уже сделали с Клеменсом.

ГЛАВА 4

- А что сделали с Клеменсом? - громко спросила Агата.

Пристав дёрнул её за цепь.

- Идём.

- Мне просто любопытно. Человека уволили, арестовали или сразу утопили в чернильнице?

Судья Вирт поперхнулся кофе. Марта смотрела на Агату широко раскрытыми глазами.

- Не бойтесь, - сказала ей Агата. - Угрозы обычно произносят тихо, когда не хотят оставлять свидетелей. Но здесь их слышали уже четверо.

- Пятеро, - машинально поправил пристав у двери.

Судья медленно повернул к нему голову.

- Я ничего не слышал, - поспешно добавил тот.

- Поздно, - сказала Агата. - У вас хорошая память. Особенно если её слегка освежить жалобой.

Её вытолкнули в коридор.

Марту повели следом, но у лестницы остановили. Агата успела увидеть, как к прачке приблизился Оскар. Он что-то произнёс вполголоса и положил перед ней на подоконник две серебряные монеты.

Марта посмотрела на деньги.

Потом на Оскара.

И медленно накрыла монеты ладонью.

У Агаты внутри что-то оборвалось.

Она не имела права осуждать. У Марты была прачечная, возможно, дети, долги и запрет на торговлю, которое городская стража могла продлевать до окончания времён. Две серебряные монеты для голодного человека весили больше, чем честь с достоинством, вместе взятые.

Особенно потому, что достоинством нельзя растопить печь. Но всё равно было больно.

Марта не подняла глаз, когда Агату повели дальше.

Во дворе суда её ждала закрытая повозка с решётками. На боку красовалась надпись: «Городской исправительный дом святой Равены. Труд очищает помыслы».

Ниже кто-то нацарапал гвоздём:

«А мыло - руки».

Агата хмыкнула.

- О, у нас тут философы. Приятно знать, что даже в исправительном доме есть место критическому мышлению.

Старший пристав подтолкнул её в спину.

- Чемодан, - напомнила Агата.

- Останется при деле как вещественное доказательство, - ответил тот.

- В таком случае мне нужна расписка.

- Тебе нужен кляп.

- Он тоже будет в описи?

Пристав захлопнул дверцу повозки. Внутри пахло мокрой соломой и чужим страхом. Агата села на узкую скамью и прикрыла глаза.

Там, под подкладкой чемодана лежало письмо отца.

Единственная вещь, о которой Оскар, судя по всему, не знал. И теперь чемодан оставался в суде, где случайный лист бумаги мог сгореть, потеряться или превратиться в распоряжение о размещении очередной навозной ямы.

Агата осторожно потрогала висок. Кровь запеклась в волосах, и голова болела всё сильнее.

Ей хотелось лечь, уснуть и проснуться в своей квартире. С кофеваркой, отоплением и соседкой сверху, муж которой каждое воскресенье сверлил стену с самого утра.

Но вместо этого повозка остановилась перед серым зданием без вывески.

На крыльце ждала высокая женщина в чёрном платье. Связка ключей на её поясе была такой тяжёлой, что могла служить аргументом в любом споре.

- Госпожа Хольст, - поздоровался пристав. - Вот ваша новая подопечная, Агата Бранн.

Женщина сверилась с листом.

- Вы опоздали на два дня.

Агата открыла глаза.

- Простите?

Госпожа Хольст поджала губы.

- Не с вами разговаривают.

- Но опоздала, судя по всему, именно я.

Пристав вырвал лист из рук надзирательницы.

- Ошибка писаря. Оформляйте сегодняшним числом.

- У меня место подготовлено с позавчера.

- Значит, вам же меньше хлопот.

Он подтолкнул Агату к двери, сунул госпоже Хольст бумаги и поспешил к повозке.

- Подождите, - позвала Агата. - А расписка за чемодан?

Лошади тронулись.

- Надеюсь, вы хотя бы монеты не потеряете! - крикнула она вслед. - Их ровно двадцать.

И все очень удобно нашлись!

Повозка выехала за ворота.

Госпожа Хольст оглядела Агату с головы до ног.

- Здесь не кричат.

- Здесь заранее готовят места для ещё не осуждённых женщин?

- Раздевальная направо.

- Я требую объяснений.

- А я требую, чтобы котельная не коптила, каша не пригорала и город платил за стирку вовремя. Мы обе сегодня останемся разочарованы.

В раздевальной у Агаты забрали плащ, платье, бельё и туфли.

Взамен выдали серую рубаху, шерстяные чулки разного размера и деревянные башмаки.

Один натурал пятку, второй, вероятно, был на два размера больше.

Молодая надзирательница записала вещи в книгу.

- Семь медяков, - сказала Агата.

- Денег нет.

- Они были при задержании.

- Здесь нет.

- Они указаны в первой описи.

- Значит, спрашивайте у приставов.

- Непременно. Запишите, что деньги не поступили.

Надзирательница макнула перо в чернильницу.

- У нас так не делают.

- Теперь будут.

Девушка взглянула на госпожу Хольст. Та помолчала, затем кивнула. Запись появилась.

Семь медяков были жалкой суммой. Но сегодня их уже дважды пытались отнять, а значит, дело давно перестало быть только в деньгах.

Агате велели распустить волосы. Надзирательница провела по ним частым гребнем и несколько раз больно дёрнула.

- Вшей нет, - недовольно объявила она.

- Простите, что разочаровала.

- Волосы придётся обрезать.

Агата схватилась за длинную рыжую косу.

- Зачем?

- Такие правила.

Госпожа Хольст достала ножницы.

Прежняя Агата гордилась своими волосами. Мать расчёсывала их по вечерам, называя золотыми нитями. Оскар тоже хвалил косу - до свадьбы. Потом говорил, что рыжий цвет простит её и делает похожей на торговку морковью.

Ножницы щёлкнули, и шикарная коса упала на пол.

Агата не заплакала. Только тряхнула ставшей внезапно легкой головой.

Она нагнулась, подняла косу и протянула надзирательнице.

- Внесите в опись.

- Волосы?

- Они мои.

- Зачем они вам?

- Пока не решила. Возможно, сделаю кисточку и покрашу вывеску над собственной пекарней.

Госпожа Хольст впервые посмотрела на неё с интересом. Косу завернули в бумагу.

После осмотра Агату отвели в прачечную.

Под низким потолком висел горячий пар. В длинных чанах бурлило бельё, зачарованные щипцы сами вылавливали простыни, а медный каток для отжима раздражённо гудел всякий раз, когда в него попадала пуговица.

За столами работали двенадцать женщин. Кто-то штопал, кто-то гладил тяжёлыми утюгами с огненными камнями внутри.

- Новенькая! - крикнула надзирательница. - Клейма на воротники.

Перед Агатой поставили корзину мокрых рубашек и банку синей краски.

На каждой вещи требовалось вывести знак исправительного дома. Кисть была расщеплённой, пальцы не слушались, а цепь с рук сняли только после того, как на запястьях появились кровавые полосы.

Первая буква расплылась. Надзирательница ударила Агату линейкой по пальцам.

- Испортишь рубаху - вычтут из твоего заработка.

- Какого заработка?

- Два медяка в неделю.

- Щедро. Через десять лет я смогу купить себе булку.

Линейка снова опустилась на стол.

- Разговоры запрещены.

Соседка Агаты, сухонькая старуха с длинным носом, дождалась, пока надзирательница отвернётся, и прошептала:

- Не сердите её, милочка.

К вечеру Агата поставила сто восемнадцать клейм. Семь пришлось переделывать. Три рубахи оказались детскими, хотя в накладной значились как мужские. Ещё у пяти были срезаны перламутровые пуговицы и пришиты костяные.

Агата запомнила всё.

В столовой на ужин ей дали миску жидкой каши. На поверхности плавал маленький кусочек масла, полный решимости не сдаваться.

- А хлеба не будет? - спросила Агата.
- Хлеб только по воскресеньям! - рыкнула раздатчица.
- Тогда подожду. Время у меня есть.
- Старуха с длинным носом села рядом.
- Меня зовут Лотта. Я здесь за подделку торговых марок.
- Успешно подделывали?
- Нет. - хихикнула старуха. - Поэтому я и здесь.

Лотта достала из рукава маленький полотняный мешочек и высыпала в кружку щепоть сушёной яблочной кожуры.

- Держите.

- Что это?

- Чай для бедных и благоразумных. Богатые пьют настоящий. Благоразумные не спрашивают, откуда он взялся.

Она подмигнула и пододвинула ей кружку с кипятком.

Напиток пах дымом, яблоками и чуточкой плесени. Агата согрела о него ладони, и впервые после ареста ей стало чуть легче.

- За что вы на самом деле здесь? - спросила Лотта.

- За неудачный брак.

- И много за такое дают?

- Некоторые отбывают пожизненно.

Лотта тихо хмыкнула.

После ужина заключённых повели в спальню. На двери висел список работ на завтра. Агата остановилась возле него.

- Не задерживаться! - рявкнула надзирательница, но и нескольких секунд хватило.

Рядом со списком находилась доска приёма. На неё прикалывали имена новых заключённых, сроки и суммы, которые город выделял на их содержание.

Агата увидела свою фамилию.

«Бранн, Агата. Место 16. Содержание оплачено за тридцать дней».

Она подошла ближе.

- Я сказала, не задерживаться!

Надзирательница схватила её за плечо, но Агата уже прочитала дату.

Позавчерашнюю. За два дня до обвинения.

За день до поддельного развода.

- Кто передаёт вам эти сведения? - спросила Агата.

- Канцелярия суда.

- А деньги?

- Какая вам разница?

- Огромная. Сегодня меня привезли без вещей, без приговора и без постановления о заключении. Но место для меня подготовили заранее.

Женщины в коридоре начали оборачиваться. Госпожа Хольст вышла из кабинета.

- Что происходит?

- Я хочу увидеть документ, на основании которого моё содержание оплачено с позавчерашнего дня.

- Заключённые не имеют доступа к счетам.

- Тогда покажите его городскому ревизору.

- Утром, - отрезала госпожа Хольст. - Сейчас всем спать.

Она сняла лист с доски и унесла его в свой кабинет. Ночью Агата лежала на верхней койке, не в силах сомкнуть глаз.

Место подготовили заранее. Значит, Оскар предполагал, что она не подпишет отказ. Поддельный развод, обвинение в краже, мешок в чемодане - всё было частью плана. Но зачем он тогда выгнал её из дома? Проще было дожать забитую жену в тихом семейном кругу... Видимо, Селине так хотелось её публичного унижения, что они не смогли себе отказать в еще одной подлости...

Оставалось понять, кто оплатил её содержание.

За дверью послышались шаги. Госпожа Хольст вошла в спальню со свечой.

- Бранн, встать.

Агата спустилась с койки.

- Вас ждут в конторе.

- Судья?

- Нет.

В кабинете у стола стояла Селина. На ней было новое зелёное платье, а в руках она держала поваренную тетрадь матери Агаты.

- Решила дать тебе последний шанс, - сказала она.

Агата посмотрела на стол. Там лежал снятый с доски документ об оплате. Внизу стояла подпись поручителя.

Селина заметила её взгляд и поспешно накрыла лист перчаткой.

Но опоздала.

Агата успела прочитать имя. Это была не Селина Вирт. Тридцать дней её содержания оплатил мастер Гутер.

ГЛАВА 5

Агата снова посмотрела на подпись.

- Мастер Гутер оплатил моё содержание?

- Целый золотой, - подтвердила Селина. - Трогательная щедрость со стороны человека, который познакомился с тобой только вчера.

Она медленно провела пальцем по обложке поваренной тетради.

- Судье будет интересно узнать, чем ты расплатилась за такую преданность.

- Судье Вирту интересно только то, что заранее написал для него Оскар.

Госпожа Хольст нахмурилась:

- Следите за словами.

- Очень даже слежу. Именно поэтому они так раздражают окружающих.

Агата подошла к столу. Селина прижала документ ладонью, но Агата уже успела прочитывать дату.

Оплата была внесена позавчера.

За день до того, как она впервые увидела мастера Гутера.

- У вас любопытная история получается, - сказала Агата. - Незнакомый типограф заранее оплачивает моё заключение. Наверное, увидел вещий сон.

- Или вы всё спланировали вместе, - возразила Селина. - Клеветнические объявления, нападение на почтенную семью, попытку скрыться...

- Я никуда не пыталась скрыться.

- Ты собиралась уехать.

- С семьёю медяками? Разве что до ближайшей канавы.

Селина выдвинула стул и села. Вид у неё был такой, словно это она управляла исправительным домом, городским судом и, вероятно, восходом солнца.

- Подпиши признание. Ты украла двадцать золотых, а мастер Гутер помог тебе распространить ложь об Оскаре. Взамен обвинение смягчат.

- Интересно, до какой же степени смягчат обвинения, если я признаюсь в том, что не совершала?

- Тебя отправят в работный приют за городом. Там чистый воздух.

- И торфяные болота.

- Физический труд полезен для женщин твоего сложения.

Агата почувствовала, как прежняя хозяйка тела сжалась внутри. Та помнила каждое замечание Оскара. Слишком полная. Слишком громкая. Слишком медленная. Слишком заметная, когда он хотел сделать вид, будто её не существует.

Агата положила руки на стол.

- А отказ от имущества?

- Тоже подпишешь.

- Разумеется. Украла двадцать золотых, оклеветала невинного пекаря и добровольно подарила ему дом с пекарней. Очень правдоподобно.

Улыбка Селины стала тоньше.

- У тебя нет выбора.

- Выбор есть всегда. Иногда между плохим и ужасным, но даже это больше, чем вы способны мне предложить.

Селина открыла тетрадь, и Агата невольно подалась вперёд.

На первой странице рукой матери прежней Агаты было написано:

«Тесто чувствует настроение хозяйки. Если злишься, сначала выпей чаю».

В памяти вспыхнула маленькая кухня, мука в солнечном луче и тёплые руки, поправляющие рыжую косу. Голос, которого Агата никогда не слышала сама, но по которому внезапно затосковала так сильно, что стало трудно дышать.

Селина вырвала страницу.

Тихий треск бумаги прозвучал громче удара.

- Подпишешь?

- Нет.

Селина поднесла лист к свече.

Пламя лизнуло уголок. Бумага почернела, свернулась, и материнские слова исчезли в огне.

Агата бросилась через стол. Она не думала о последствиях. Просто увидела, как Селина тянется за следующей страницей, и вцепилась ей в запястье.

Селина закричала.

Госпожа Хольст оказалась рядом мгновенно. Тяжёлая связка ключей ударила Агату по предплечью, и пальцы той разжались от боли.

Селина отшатнулась, прижимая руку к груди.

- Она напала на меня!

- Я лишь хотела спасти то, что вы воруете.

- Тетрадь принадлежит Оскару!

- Тогда почему именно ты уничтожаешь её здесь, при мне, по одной странице?

На крик сбегались надзирательницы. Агате заломили руки. Кровавые полосы на запястьях снова открылись.

Селина расправила перчатку. На коже остались четыре красных следа.

- За это ты ответишь.

- Встань в очередь. Здесь много таких желающих.

Селина схватила тетрадь и направилась к двери.

- Оставьте её, - приказала госпожа Хольст.

- Что?

- Вещь внесена в список имущества заключённой. Вы не можете забрать её без расписки.

На несколько секунд в кабинете стало тихо.

Селина побагровела.

- Судья разрешил.

- Пусть даст письменное распоряжение.

Агата посмотрела на начальницу исправительного дома уже внимательнее. Госпожа Хольст не собиралась спасать её. Но она любила порядок. А порядок иногда оказывался полезнее доброты.

Селина швырнула тетрадь на стол.

- Я вернусь с распоряжением.

- И с новым платьем? - спросила Агата. – Наверняка в моём гардеробе ещё осталось что-нибудь подходящее...

Селина ударила её по лицу. Голова дёрнулась, и в виске вспыхнула боль. На губах появился солоноватый вкус крови.

- Это тоже внесите в протокол, - тихо произнесла Агата.

Она облизала разбитую губу и добавила:

- Только уточните: удар был нанесён не в рамках наказания, а в рамках личной неприязни. Это важно для классификации преступления.

Селина фыркнула, развернулась и вышла. Госпожа Хольст дождалась, когда шаги стихнут, затем подняла тетрадь. Обгоревший клочок первой страницы лежал рядом со свечой.

- Зачем вы её впустили? - спросила Агата.

- У госпожи Вирт было разрешение судьи.
- На это раз настоящее?
- Я не обязана проверять каждую печать.
- Зато обязаны отвечать за каждую заключённую.
- Вы слишком многого требуете для женщины, доставленной без приговора.
- Именно поэтому и требую.

Госпожа Хольст долго смотрела на неё.

- За нападение на посетительницу вы останетесь без завтрака и будете мыть коридоры после отбоя.

- А тетрадь?
- Перенесут в хранилище.
- С описью?
- С описью, - сквозь зубы ответила госпожа Хольст.

Агата позволила увести себя.

До полуночи она ползала по каменному полу с тряпкой. Ведро было тяжёлым, вода ледяной. Каждый раз, когда Агата выпрямлялась, надзирательница указывала на несуществующее пятно.

Утром её подняли раньше остальных.

Завтрака не дали. От запаха каши у Агаты сводило желудок, а перед глазами плавали тёмные круги. Пришлось держаться за стену, чтобы не упасть.

В прачечной её ждала новая работа.

На столе лежало тонкое бельё, кружевные сорочки, вышитые полотенца и белоснежные скатерти. На каждой вещи болталась карточка:

«Свадебный заказ госпожи Селины Вирт».

- Только не испортите, - предупредила надзирательница. - Заказ дорогой.

Агата подняла верхнюю скатерть.

В углу ещё виднелись выцветшие буквы «А. Б.». Сверху уже начали вышивать новое имя.

Эту скатерть Агате подарил отец. За ней они с Оскаром ели первый ужин в собственном доме. Тогда он держал её за руку и обещал, что однажды их пекарня станет лучшей в городе.

Теперь на месте её инициалов расцветали голубые буквы «С. В.».

- Что случилось? - насмешливо спросила надзирательница. – Что-то узнали?

- Да.

- Тогда работайте аккуратнее. Госпожа Вирт велела взыскать с вас полную стоимость за каждое пятно.

Агата опустила скатерть в чан, и горячая вода обожгла исцарапанные руки.

Она стирала собственное прошлое для чужой свадьбы.

К полудню принесли ещё два сундука. В одном лежали перешитые платья Агаты. В другом - постельное бельё из отцовского дома.

Лотта молча работала рядом. Наконец она незаметно сунула Агате половину варёной картофелины.

- Ешьте.

- Если увидят, накажут и вас.

- Если не поедите, свалитесь в чан. Тогда бельё придётся перестирывать, а я слишком стара для подобных подвигов.

Агата проглотила картофелину почти не жуя.

После обеда госпожа Хольст вошла в прачечную со счётной книгой.

- В заказе недостаёт шести полотенец.

- Их не было, - сказала Агата.

- В накладной указано двадцать четыре.
- Принесли восемнадцать.
- Госпожа Вирт требует возместить пропажу.

Агата закрыла глаза и глубоко вздохнула. Вот оно. Не просто унижение. Ещё один долг.

Ещё одна выдуманная кража.

- Кто принимал сундуки?
- Надзирательница Норда.
- При свидетелях?
- Это прачечная, а не суд.
- В последнее время разница почти незаметна.

Госпожа Хольст поджала губы.

- Стоимость полотенец вычтут из вашего заработка.
- При двух медяках в неделю я расплачусь примерно через три года.
- Значит, у вас будет причина работать усерднее.

Агата взяла накладную.

- Здесь указано восемь больших полотенец, восемь средних и восемь малых. Принесли шесть больших, семь средних и пять малых. Если бы я собиралась украсть, то выбрала бы большие. За малые дают меньше.

- И что?

- А то, что недостача возникла до доставки. Посмотрите на вес.

Внизу накладной стояло: «Общий вес - тридцать один фунт».

Агата сложила оставшееся бельё на весы. Стрелка остановилась на двадцати трёх.

- Даже если добавить шесть самых тяжёлых полотенец, получится двадцать девять. Значит, в накладную заранее внесли лишний вес.

Госпожа Хольст посмотрела на цифры.

- Вы уверены?

- Я пять лет принимала муку у поставщиков, каждый из которых считал своим долгом не доложить полфунта... Конечно, уверена.

- Кто составлял накладную?

Агата перевернула лист.

Внизу стояла подпись Селины.

Госпожа Хольст вырвала бумагу из её рук.

- Работайте.

Но про вычет за пропавшие полотенца из заработка больше не упоминала.

К вечеру голова у Агаты кружилась так сильно, что буквы на карточках расплывались. Она прислонилась лбом к прохладному столу.

- Не спать! - окрикнула надзирательница.

Снаружи хлопнули двери. Послышались мужские голоса, звон ключей и возмущённое требование немедленно убрать руки от его пальто.

Агата узнала голос.

В прачечную вошли два пристава. Между ними стоял мастер Гутер. Зеленоватый козырёк исчез, один глаз заплыл, а на губе запеклась кровь.

- Вот ваш сообщник, - объявил старший пристав. - Задержан за подделку платёжных документов и пособничество преступнице.

Гутер увидел Агату.

- Я ничего не подделывал!

- Молчать!

Пристав толкнул его. Старик пошатнулся и едва не упал.

Агата шагнула к нему:

- В документе стоит ваше имя. Кто оплатил моё содержание?

Гутер поднял разбитое лицо.

- Вы сами, госпожа Бранн.

- Что?

- Золотой списали с вашего счёта. С того самого, который ваш муж уже пять лет пытается от вас скрыть.

ГЛАВА 6

- У меня нет счёта, - сказала Агата.
- Есть, - прохрипел Гутер. - Наследственный вклад на имя Агаты Фосс-Бранн. Старший пристав ударил его под колени, и Гутер рухнул на каменный пол.

- Я приказал молчать!

Агата бросилась к нему, но надзирательница преградила дорогу.

- Он ранен!

- Споткнулся, - ответил пристав.

- Удивительно. В вашем присутствии люди постоянно спотыкаются.

Госпожа Хольст появилась на пороге.

- Что происходит?

- Доставили сообщника заключённой для опознания.

- Это женский исправительный дом.

- Сразу после процедуры мы его заберём.

- Тогда он будет ждать в конторе, а не валяться среди белья.

Тон начальницы не допускал возражений. Приставы подняли Гутера и поволокли к выходу.

- Госпожа Хольст, - сказала Агата. - Вы должны вызвать врача.

- Должна?

- Если задержанный умрёт в вашем учреждении, объяснения потребуют с вас, а не с них.

Пристав замер. Госпожа Хольст посмотрела на кровь, капающую с подбородка старика.

- В лазарет, - приказала она. - И сделайте запись о состоянии при поступлении.

- Нам некогда возиться с бумагами.

- Тогда забирайте его немедленно.

Приставы переглянулись. Через десять минут в книге появилась запись о разбитой губе, ушибе глаза и следах верёвки на запястьях. Пристав подписывать её отказался. Госпожа Хольст аккуратно внесла и это.

Агате позволили отнести в лазарет таз с водой.

- Пять минут, - предупредила начальница. - И дверь останется открытой.

Гутер сидел на узкой койке, прижимая к губе мокрую тряпку.

- Рассказывайте, - потребовала Агата.

- Умеее вы выразить сочувствие.

- Если начну сочувствовать, то расплачусь. А у нас только пять минут.

Гутер криво усмехнулся.

- Позавчера ко мне пришёл посыльный из суда. Принёс срочный заказ на платёжные расписки. Обычная работа, если не считать одного листа, который случайно оказался среди образцов.

- Случайно?

- Чиновники небрежны только с чужими деньгами. Там было распоряжение перевести один золотой из наследственного вклада Агаты Фосс-Бранн на содержание заключённой.

- То есть меня собирались заключить заранее.

- Именно.

- Почему плательщиком указали вас?

- Моё имя тогда ещё не было вписано. Строка оставалась пустой. Я отказался печатать документы без подписи и печати казначейства. Ночью в типографию влезли. Денег не взяли, зато пропала моя личная печать... Видимо таким образом меня хотели наказать за несговорчивость...

- И вы никому не сообщили?

- Утром я пошёл в казначейство. Хотел проверить номер счёта. Потом вернулся и встретил вас.

- Почему не сказали мне сразу?

- Вы пришли с семьёю медяками и желанием объявить войну родственнику судьи.

- Я не объявляла никому войну... Я просто опубликовала мнение потребителя.

- Вот поэтому и не сказал. Сначала решил выяснить, кто вы такая.

- Звучит достойно.

Гутер поморщился.

- Вечером я снова пошёл в казначейство. Счёт существует. Его открыл ваш отец за месяц до вашей свадьбы. По условиям вклада деньги нельзя было передать мужу без вашего личного согласия.

У Агаты пересохло во рту.

- Я ничего не подписывала.

- Возможно, вы подписали документы, не читая?

В памяти шевельнулось что-то болезненное. Оскар приносил бумаги домой. Закрывал ладонью верхнюю часть листа и показывал, где поставить подпись. Говорил, что это накладные на муку, налоговые ведомости и разрешения на торговлю.

Прежняя Агата беспрекословно подписывала. Потому что доверяла мужу.

- Могла, - прошептала она.

- Тогда он годами снимал деньги небольшими суммами. По два золотых. По три. В последней выписке оставалось сорок семь.

Сорок семь золотых.

Агату вышвырнули на мороз с семьёю медяками, пока на её имя лежало состояние, на которое можно было купить небольшую лавку.

Она прикрыла глаза. Молодая женщина была просто в ярости.

Отец пытался защитить дочь. Оставил ей деньги, которые должны были дать ей некоторую независимость. А Оскар превратил её доверие в ключ к этому счёту.

- У вас есть копия выписки?

- Нет, конечно, кто же мне его даст? Я и это-то узнал только через хорошего знакомого... Но я запомнил номер.

- Говорите.

Гутер назвал цифры, и Агата повторила их дважды, запоминая.

- Ещё одно, - поспешно добавил он. - В распоряжении стояло: «Оплата по заявлению опекуна».

- Какого опекуна? Я же совершеннолетняя.

- Вот это и заинтересовало меня.

Агата скрестила руки на груди.

- Значит, я не только разведена задним числом, но и признана недееспособной. Удивительно, что меня до сих пор не заставили подписать признание в том, что я сама себя похитила.

В коридоре появились приставы.

- Время вышло.

Гутер схватил Агату за рукав.

- В моём станке, под нижней кассой, спрятан испорченный оттиск платёжного листа. Там видно номер счёта и дату.

- Типографию опечатали?

- Да.

- Кто знает о листе?

- Теперь трое. Вы, я и человек, который стоял за дверью последние две минуты.

Агата обернулась. В коридоре никого не было.

Приставы увели Гутера. На этот раз он шёл сам, но спина его казалась согнутой сильнее обычного.

Работа в прачечной продолжилась, словно ничего не произошло. Чаны кипели. Щипцы ловили простыни. Каток гудел.

Агата стирала свадебное бельё Селины и считала.

Сорок семь золотых на счёте. Один уже потратили на её заключение. Двадцать подбросили в чемодан. Возможно, тоже сняли с её вклада. Её собственными деньгами оплатили доказательства её вины.

К вечеру она попросила у госпожи Хольст бумагу.

- Для чего вам?

- Заявление в казначейство и жалоба окружному ревизору.

- Переписка заключённых проверяется судом.

- Судьёй Виртом?

- Именно.

- Тогда проще отдать жалобу Оскару, чтобы он растопил её печь.

- Таков порядок.

Агата посмотрела на счётную книгу у неё на столе.

- У вас ежемесячно пропадает сорок кусков мыла.

Госпожа Хольст застыла.

- Что?

- В прачечной работают двенадцать женщин. На одну корзину белья уходит четверть куска. За день обрабатывают двадцать корзин. Даже с учётом уборки это сто пятьдесят кусков в месяц. Суд оплачивает сто девяносто.

- Откуда вы знаете?

- Накладные лежат на столе надзирательницы.

- Вы рылась в документах?

- Я прочитала их, пока меня били линейкой по пальцам.

Госпожа Хольст закрыла дверь.

- Продолжайте.

- Полотенца госпожи Вирт - не первая недостача. Дорогие вещи принимают без пересчёта, дешёвые вносят дважды, а разницу списывают на заключённых. А потом эти книги проверит ревизор, и недостачу повесят на вас.

Лицо госпожи Хольст стало каменным.

- Чего вы хотите?

- Бумагу, чернила и копию записи о моём поступлении.

- Это запрещено.

- Тогда удачи с ревизором.

Через четверть часа перед Агатой лежали два листа. На первом она составила заявление о незаконном списании денег со вклада.

На втором перечислила обстоятельства задержания: поддельное решение о разводе, регистрационную книгу, повторный досмотр, подброшенное золото и заранее оплаченное место в исправительном доме.

В конце она указала свидетелей.

Клеменс Рой.

Марта Ключ.

Элиас Гутер.

Госпожа Хольст прочитала текст.

- Я слышала, что Клеменс исчез.
- Значит, надо найти его раньше судьи Вирта...
- Госпожа Хольст забрала один лист.
- Заявление в казначейство отправлю с утренней почтой. Жалобу - нет.
- Почему?
- Потому что в ней вы обвиняете судью.
- Я всего лишь перечисляю факты.
- Иногда это опаснее обвинений.

Второй лист она скомкала и швырнула на пол. Агата сделала вид, что споткнулась и подобрала их. Госпожа Хольст сделала вид, что ничего не заметила.

- Выйдите, Бранн... Я и так сделала для вас слишком много...

В спальне Лотта помогла ей разгладить бумагу. Чернила на сгибах размазались, но текст ещё можно было прочесть.

- Такое через почту не пройдёт, - прошептала старуха.
- Значит, пойдёт через прачечную.

Каждое утро исправительный дом отправлял чистое бельё в гостиницы, лечебницу и городской приют. Агата выбрала заказ гостиницы «Северная корона». Там останавливались приезжие нотариусы, купцы и проверяющие.

Она сложила жалобу гармошкой и спрятала в подгиб наволочки. Лотта зашила край настолько аккуратно, что шов не отличался от фабричного.

Корзины погрузили в телегу на рассвете.

Агата стояла у окна прачечной и смотрела, как возница закрывает брезент.

Впервые за несколько дней у неё в груди появилась надежда.

Телега проехала половину двора.

- Остановить! - раздался голос.

У ворот стояла Селина. Она приехала в открытом экипаже вместе со старшим приставом.

Возница натянул поводья, и Селина подошла к корзинам.

- Получены сведения, что заключённые передают наружу запрещённые письма.

Надзирательницы начали вытряхивать бельё прямо в снег. Агата посмотрела на надзирательницу. Та усмехнулась, глядя ей в глаза.

Наволочку нашли третьей. Селина заметила вышитую строчку, распорол шов ногтем и достала жалобу.

- Как предусмотрительно, - произнесла она. - Ты сама перечислила всех, с кем нам ещё предстоит поговорить. Она бросила бумагу в грязь и растёрла каблуком.

- В карцер, - приказал пристав.
- Вы не распоряжаетесь в моём учреждении, - холодно сказала госпожа Хольст.
- Вот распоряжение судьи.

Он показал лист: на этот раз печать была настоящей.

Агату отвели в подвал. Карцер оказался узкой каменной нишей без окна. Воды и еды ей, конечно же, не дали. Дверь заперли, и темнота сомкнулась вокруг.

Она села на холодный пол. Надежда продержалась меньше минуты.

Гутер арестован. Марта запугана или куплена. Клеменс исчез. Письмо отца оставалось в чемодане у судьи. Жалобу уничтожили.

А Селина знала имена всех свидетелей.

Агата прижала ладони к лицу. Впервые с того момента, как она очнулась на заснеженном крыльце, она позволила себе заплакать от усталости, голода и бессилия.

Вдруг за стеной раздался звук, как будто кто-то пошевелился... Агата замерла. Только крыс ей не хватало для полного счастья.

Послышался слабый стук. Три удара, пауза, ещё два.

- Кто здесь? - спросила она.

Долгое время никто не отвечал.

Потом из-за стены донёсся хриплый мужской голос:

- Госпожа Бранн?

Она придвинулась ближе.

- Кто здесь? - повторила она.

- Это я, Клеменс Рой.

Агата перестала дышать.

- Они сказали, что вы исчезли.

- У них почти так и получилось.

- Где регистрационная книга?

- То есть вы даже не спросите, как я себя чувствую?

- Думаю, что не очень... Поэтому перейдем сразу к делу... Где книга?

- У судьи, где же еще.. Но прежде, чем меня схватили, я вырвал страницу сто восемьдесят третью.

За стеной снова зашуршало.

- И она всё ещё у меня.

ГЛАВА 7

Агата прижалась ухом к холодной стене.

- Вы уверены, что это страница сто восемьдесят третья?

- Я пять лет работал в канцелярии, - обиженно прошептал Клеменс. - Уж одну страницу от другой отличу.

- Вчера вы не производили впечатления человека, способного вырвать документ из регистрационной книги.

- Вчера меня ещё не пытались утопить в бочке с дождевой водой.

Агата закрыла глаза.

- Значит, судья Вирт предпочитает чернильнице более традиционные способы.

- Его люди отвезли меня на старые склады. Велели подписать признание, что вы сами принесли поддельное решение и угрожали внести его в книгу.

- А вы?

- Подписал, конечно.

Агата отодвинулась от стены.

Клеменс торопливо добавил:

- Сначала подписал. Потом ударил одного из них чернильницей и выбрался через окно.

- Беру свои слова и даже мысли о вас обратно.

- Я не герой, госпожа Бранн.

- Это хорошо. Герои обычно погибают, не успев дать показания.

По ту сторону стены раздался нервный смешок.

- Куда вас посадили? - спросила Агата.

- В старую угольную кладовую. Здесь есть дверь в служебный коридор. Наверное, меня привезли ночью, чтобы никто не увидел.

- Госпожа Хольст знает?

- Не думаю. Он сказал надзирательнице, что я опасный душевнобольной, и дал ей монету, видимо у них тут уже всё отработано...

- И она поверила?

- После драки чернильницей я выглядел довольно убедительно.

Агата ощупала стену. Камни были грубыми, а швы между ними - узкими. Внизу тянулся сточный желоб. От соседней камеры его отделяла железная решётка, забитая грязью.

- Страницу можно свернуть в трубочку?

- Уже.

- Просуньте её через сток.

- Здесь решётка.

- У меня тоже. Но между прутьями есть щель.

Клеменс зашуршал одеждой. Потом за стеной послышалось сопение, скрежет и тихое ругательство.

- Страница у меня в сапоге, - объяснил он.

- Очень предусмотрительно.

- Там же были мои последние три медяка.

- Были?

- Один из приставов теперь ходит богаче на три медяка и беднее на кусок пальца.

Агата невольно улыбнулась.

Через несколько минут из сточной щели показался край бумаги. Но она не могла достать до него руками.

Агата выдернула нитку из подола рубахи, связала на конце петлю и легла на пол. Камень холодил щёку. Пальцы не слушались, перед глазами темнело от голода.

С третьей попытки петля зацепила свёрток.

Бумага медленно поползла к решётке. И тут в коридоре звякнули ключи.

- Кто-то идёт, - прошептала Агата.

Свёрток застрял. Она потянула сильнее. Нитка впилась в палец, и край страницы надорвался, но бумага наконец проскользнула между прутьями.

Агата едва успела сунуть её за чулок, как тут же открылась дверь.

Свет фонаря ударил в глаза. На пороге стояли надзирательница Норда и старший пристав.

- Встать, - приказал он.

Агата поднялась, придерживаясь за стену.

- Уже выпускаете? А я только начала ценить уединение.

- Это обыск.

- Что вы рассчитываете здесь найти? Может быть, мой ужин?

Норда поставила фонарь на пол.

- Молчать! Руки к стене!

Агату обыскали тщательно. Вывернули карманы серой рубахи, распустили подол, провели ладонями по спине и ногам. Когда надзирательница приблизилась к правому чулку, Агата почувствовала, как бумага царапнула кожу.

- Снимай, - сказала Норда.

- Здесь холодно.

- Быстрее.

Пристав наблюдал, прислонившись к двери. На его лице застыло скучающее удовлетворение. Агата медленно сняла деревянный башмак. Потом стянула левый чулок.

Следом правый.

Бумаги не было.

Она лежала на полу, прижатая краем башмака. Агата наступила на неё босой ногой.

Норда встряхнула чулки.

- Пусто.

- Какая неожиданность, - сказала Агата. - Может быть, проверите ещё раз?

Пристав вошёл в камеру.

- С кем ты разговаривала?

- С собой. Здесь немного собеседников.

- Свидетель слышал мужской голос.

- Может быть, это была крыса?

- Какая крыса?

- Которая согласилась свидетельствовать. Надеюсь, ей предложили больше двух серебряников.

Пристав ударил ладонью по стене, вышел в коридор и приказал открыть соседнее помещение. Послышался лязг засовов.

Агата осторожно подвинула ногу. Край свёртка скользнул под подошву башмака.

Старший схватил её за подбородок.

- Считаешь себя очень умной?

- Нет. Просто вас считаю недостаточно умным. Это разные вещи.

Он сжал пальцы сильнее.

- Завтра ты подпишешь всё, что тебе дадут.

- А если нет?

- Тогда исчезнешь, как твои свидетели.

Пристав отпустил её и вышел. Норда забрала фонарь, и дверь закрылась.

Агата ещё долго стояла неподвижно. Только когда шаги стихли, она нагнулась и подняла бумагу.

- Клеменс? - тихо позвала она.

Ответа не было.

Агата опустилась на пол и развернула страницу. В темноте прочитать запись было невозможно, но пальцы ощущали выпуклые следы пера и рваный край. Страница находилась в её руках.

Утром Агату выпустили из карцера. Клеменса в соседнем помещении не было. Она бросила взгляд за распахнутую дверь и заметила на полу обрывок верёвки и тёмное пятно.

- Куда увезли этого бедолагу? - спросила она.

Норда толкнула её к лестнице.

- Там никого не было.

- Разумеется. Верёвка сама себя сюда принесла, и кровь тоже.

Вместо завтрака Агату отправили чистить выгребной желоб за прачечной.

Снег с утра сменился ледяным дождём. Вода стекала за ворот рубахи, деревянные башмаки скользили, а выданная лопата была тяжелее самой Агаты.

Заключённые проходили мимо с корзинами белья. Некоторые сочувственно отводили глаза. Другие смотрели с любопытством.

Норда приказала вывалить содержимое желоба в тележку.

- Руками будет быстрее.

- Вашими - несомненно.

Лопата ударила Агату по голени, и она упала на колени в грязную воду. Женщины у дверей прыснули, и Норда усмехнулась.

- Привыкай, Бранн. На болотах будет ещё хуже.

Агата поднялась, вытерла лицо рукавом и продолжила работу.

Страница была спрятана под повязкой на предплечье. Ночью она разорвала край рубахи, обмотала руку и вложила бумагу между слоями ткани. Нужно было прочитать документ как можно скорее.

В прачечной Агата намеренно задела корзину. Мокрые простыни рухнули на пол.

- Неуклюжая корова! - закричала Норда. - Собирай!

Агата опустилась за столом так, чтобы её заслонило бельё.

Лотта присела рядом, и незаметно передала ей кусок хлеба. Агата с жадностью засунула его в рот, расправляя страницу между сложенными простынями.

На лицевой стороне находилась нужная запись:

«438/16. Холщ против городской Управы. Спор о размещении навозной ямы».

Ниже стояли дата, подпись регистратора и отметка о передаче дела в хозяйственную палату.

Поддельный развод Оскара не имел к этой записи никакого отношения. Агата перевернула лист. На обороте находилась другая запись. Сначала она не поняла, что читает. Потом пальцы стиснули ткань.

«437/16. Бранн Оскар против Бранн Агаты. Прощение о признании супруги ограниченно дееспособной по причине душевной слабости».

Дата стояла трёхлетней давности.

Решение было вынесено судьёй Виртом в тот же день.

Опекуном Агаты назначался её муж.

- Что это значит? - спросила Лотта.

- Что Оскару не требовалась моя подпись для снятия денег. Он объявил меня неспособной распоряжаться имуществом.

- Но вы ничего об этом не знали.

- Потому что извещение якобы получила я сама.

Рядом с отметкой о вручении стояла подпись Агаты.

Прежняя Агата писала округло, с лёгким наклоном вправо. Эта подпись была резкой и угловатой. Агата уже видела такой почерк.

Им Селина подписала накладную на недостающие полотенца.

Внизу страницы находилась ещё одна строка:

«Медицинское заключение приобщено. Освидетельствование проведено врачом Корвин Виртом».

- Ещё один кузен? - прошептала Агата. - Родственники Оскара очень удачно выбирают профессии...

Из конторы донёсся звон колокольчика. Госпожа Хольст вышла в прачечную.

- Агата Бранн, к тебе посетитель.

Агата быстро спрятала страницу под повязку.

В кабинете её ждали судья Вирт и незнакомый мужчина с серебряным медицинским знаком на воротнике.

Судья улыбнулся.

- Госпожа Бранн, познакомьтесь. Доктор Корвин Вирт прибыл подтвердить ваш диагноз.

Мужчина раскрыл кожаную папку. Сверху лежало постановление о переводе Агаты в закрытый дом для душевнобольных.

ГЛАВА 8

Агата протянула руку к свидетельству, но лекарь Корвин Вирт захлопнул папку.

- Пациентам не рекомендуется знакомиться с медицинскими документами без надзора.
- Особенно со свидетельством о собственной невменяемости. Можно разволноваться.

Судья Вирт сел в кресло госпожи Хольст. Сама начальница исправительного дома стояла возле шкафа, сжав губы.

- Это всего лишь бланк, - сказал судья.
- Заполненный моим именем.
- Писарская ошибка.

- В вашей канцелярии удивительно деятельные писари. Оформляют разводы до открытия суда, оплачивают заключение до обвинения и хоронят людей до их смерти.

Корвин достал из сумки маленький молоточек.

- Мы наблюдаем повышенную раздражительность, склонность к подозрениям и неспособность признавать очевидные факты.

- Очевидный факт сейчас состоит в том, что вы явились освидетельствовать меня через три года после того, как уже поставили диагноз.

Госпожа Хольст резко повернулась к лекарю.

- Три года?

Агата увидела, как взгляд судьи скользнул к её перевязанной руке.

- Обыскать, - приказал он.
- На каком основании? - спросила госпожа Хольст.
- Заключение похитила страницу судебной книги.

Агата усмехнулась:

- Значит, вы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.